

Шахнович М.М.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА УСАДЬБЕ ТРОИЦКОГО СУНОРЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В 2007 ГОДУ
Православие в Карелии. Петрозаводск. 2008. С. 79–87.**

Во второй половине XVII века в Карелии насчитывалось более сорока больших и малых православных монастырей. Их изучение представляет немалый интерес для исследователей. При незначительности письменных сообщений археологические материалы могут восполнить необходимую источниковую базу. С этой целью в конце 80-х – 90-х гг.

XX в. осуществлялись историко-археологические изыскания в местах расположения некоторых известных монастырей Южной Карелии (Кирпичников, Хлопин, 1974. С. 14; Спиридонов, 1993; 1996; Дмитриева, 1994; Бирюков, 1999. С. 13–14; Дмитриева, Кочкуркина, 2000; Сорокин, 2004). Сведения о бытовавших недолгий срок небольших монастырях края до настоящего времени продолжают оставаться фрагментарными. В статье излагаются первые результаты археологического обследования усадьбы Троицкой Сунорецкой обители, существовавшей в западном Прионежье в середине XVII – начале XVIII в.

Троицкая Сунорецкая пустынь располагалась на южной оконечности Виданского острова, в трёх верстах к югу от д. Большое Вороново, вниз по течению р. Суна, а не к северу, как упоминается у авторов небольших газетных сообщений конца XIX в. (Островский, 1898. С. 25; Воронов, 1900. С. 2). Напротив неё, на правом берегу реки, до 70-х гг. XX в. находилась небольшая деревня Чукулаево или Чиколай или Виданская Нишка. В 1905 г. в ней стояло 11 домов, где жил 91 человек (Благовещенский, 1907). Сейчас это место занято дачными строениями. От острова начиналась дорога к с. Кондопога, ныне заброшенная. Отметим удобное географическое положение Виданского острова. Он располагается в нижнем течении р. Суна, на важнейшем историческом пути из Обонежья в континентальные районы Западной Карелии.

Образцы церковно-религиозной письменности – жития первоначальников монастыря – Епифания и Кирилла – дают нам информацию о судьбах реальных людей, об истории этой обители, ранее уже становившейся объектом изучения (Пашков, 2000; 2005). Неоднократно отмечалось, что использование старообрядческой житийной литературы в качестве исторических источников, при всей её информативности, красочности и эмоциональности, имеет неотъемлемые минусы мемориального (Житие Кирилла) и мемуарного жанров (Житие Епифания): дидактичность, субъективность, и гиперболизация (Дмитриев, 1972. С. 184; Карманова, 1994, С. 38–39). Сознательная отстранённость текста от фактических данных было традиционной чертой русской агнографии, что отмечалось уже в XIX в. (Ключевский, 1871. С. 436).

В 1645 г. монах Кирилл после 18 лет скитаний по северным монастырям, с помощью своего отца, основал «обитель при реце Суне на острове Виданском во Олонецких пределах», «избрав на острове том место красно, постави на нем крест Спасителя нашего». До прихода Кирилла остров не был населён, а ближайшая деревня находилась в устье р. Суна, в 12 верстах ниже по течению. Избрание Кириллом места для пустынножительства на острове было не случайным и соответствовало принципам средневековой православной традиции устройства монашеских обителей на уединённых островах. В 1657 г. к нему присоединился соловецкий инок Епифаний (Островский, 1898. С. 27), ставший впоследствии наряду с протопопом Аввакумом одним из общероссийских учителей Раскола. Несколько позже с ними на острове стал жить монах Варлаам.

После постройки и освящения церкви во имя Живоначальныя Троицы (до 1678 г.) и получения официального разрешения на создание монастыря от новгородского владыки происходит резкое увеличение числа насельников Виданской обители и её земельных владений за счёт пожертвований и собственного труда монахов: «Собрася же всей братии иноков и бельцов во обитель числом до полуста и больше». В этот благоприятный для пустыни период её пространство традиционно было разделено на островную зону, где находились окруженные деревянной стеной братские кельи, церковь, и в непосредственной близости мирскую, материковую, где располагались хозяйственные постройки – «скотские дворы», амбары, сеновалы и жилые дома «бельцов», положившие начало д. Чикулай.

Как оплот оппозиционным реформам Церкви «древлецерковного благочестия», Троицкая Сунорецкая обитель существовала до 1684 г., когда из центра епархии, Великого Новгорода, был назначен новый игумен. В это время ужесточение мер по преследованию раскольников достигло своего апогея. «А кто покорения Святей Церкви не принесёт, тех по тридневному допросу не покоряющихся, жечь в срубеи пепел развеять». Отметим нравственный подвиг Кирилла, не пожелавшего повести «на огненную смерть» доверившихся ему людей, когда прибыл карательный отряд стрельцов (в отличие от трагических событий «в деле вразумления раскольников», произошедших в Палеостровском монастыре в 1687 и 1689 гг.). Недолгая пора расцвета Кирилловой обители сменилась её угасанием и последующим запустением.

В 1723 г. малобратственная обитель была приписана к Александровскому монастырю, а в 1764 г. – официально упразднена в ходе секуляризационной реформы Екатерины II. Состояние монастырской церкви Животворящей Троицы в 1769 г. было определено как «ветхое». Процесс естественного разрушения храма продолжался ещё длительное время после его закрытия. Краевед А. Воронов, посетивший д. Чикулай Вороновского общества Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда и Виданский остров в 1894 г., писал: «От монастыря, некогда здесь существовавшего, осталась деревянная разрушенная церковь на острове. Сруб церкви уцелел, но крыша провалилась и на полу в притворе растёт трава. Средняя часть храма не более четырёх сажень. Боковая дверь была одна и один клирос (правый). Царские двери очень низкие. В храме был высокий потолок и три окна, у которых одно на высоте второго этажа. Около церкви кладбище, где сохранились ещё древние деревянные кресты» (Воронов, 1900. С. 2). «Развалины храма окружены густым лесом, сквозь который едва виднеется русло р. Суны. Судя по некоторым признакам здесь существовали и другие постройки» (ОГВ, 1898. С. 2). В 20-х гг. XX в. архитектор Р.М. Габе зарисовал сохранившийся фрагмент деревянной стены Троицкой церкви – дверной проём, украшенный выемчатой резьбой по косякам и верхней притолоке (Габе, 1941. С. 130). В 1961 г. исследователь старообрядчества А.Н. Робинсон при посещении острова отметил, что ещё сохранились «остатки монастырских построек в виде нижних бревен небольших срубов» (Робинсон, 1963. С. 300).

С течением времени размеры монастырской усадьбы менялись. Можно выделить несколько этапов истории сложения пространства Сунорецкого монастыря. 1. Период пустынножителства – первичное освоение южной оконечности острова иноком Кириллом (1645–1657 гг.). На левом берегу нижнего течения реки Малая Суна находились две кельи Кирилла – «странноприимница» и «молчальница», мельница, поклонный крест, огород. 2. В Виданской пустыни живут монахи Кирилл, Епифаний, Варлаам (1657–1667 гг.). Ещё две кельи сооружены в разных местах южной части Виданского острова. 3. Строительство Кириллом монастыря (1667–1683 гг.). В этот период проводятся наиболее масштабные строительные работы. Монастырский комплекс включал «церковь Живоначальныя Троицы», «хлебню», столовую, ограду, братское кладбище, которое по традиции должно располагаться внутри монастырских стен; через порог

Виданной был перекинут мост; выше по реке устроена новая мельница; основана будущая деревня Чукулай (дворы «коровницкий» и «конюшенной», дома «доилиц», «бельцов» и кельи инокинь); разработаны поля и сенокосы. 4. Создание с 1683 г. православного Троицкого монастыря с хозяйственными постройками и церковью (1683–1764 гг.). 5. Упразднение монастыря, ветшание и разрушение построек.

Первые археологические находки из окрестностей д. Большое Вороново Петрозаводского уезда Олонецкой губернии стали поступать в коллекции «доисторических древностей» российских коллекционеров ещё в середине XIX в. Это обломки сланцевых орудий (топоры, кирки, долота) и знаменитый фигурный молот, опубликованный А.С. Уваровым (Уваров, 1881. С. 29–30). Сейчас они находятся на хранении в Государственном Историческом Музее и Государственном Эрмитаже (Брюсов, 1940. С. 217).

В 1977 г. Ю.А. Савватеев около д. Вороново открыл три местонахождения находок каменного века, а у бывшей д. Чекулаево – пять древних поселений периода неолита – энеолита – эпохи бронзы (Археологические памятники Карелии, 2007. С. 29, 158). В южной части о. Виданский были обнаружены два памятника неолита – энеолита – Чекулаево IV и V (Савватеев, 1978. С. 24–26). В 2005 г. в 3 км к северу от д. Большое Вороново зафиксированы две

неолитические стоянки Вороново I и II (Шахнович, 2005. С. 32). В 2007 г. А.М. Жульников в северной части о. Виданский нашёл памятники эпохи энеолита Большое Вороново I–III. Объекты каменного века на данном участке течения реки, как правило, привязаны к наиболее возвышенным участкам боровых ландшафтов.

Программа работ 2007 г. археологической экспедиции Карельского государственного краеведческого музея предусматривала предварительное натурное обследование южной части о. Виданского с целью поиска остатков Сунорецкой обители. В 0,25 км к северу от южной оконечности острова зафиксирована неолитическая стоянка Чекулаево VI. Культурный слой поселений каменного века Чекулаево V и VI локально нарушен «поздними» строительными и сельскохозяйственными работами, связанными с существованием в XVII в. Кирилловой пустыни, а впоследствии Сунорецкого монастыря.

Поверхность южной оконечности острова на местах бывших покосов поросла смешанным лиственным лесом, на более высоких песчаных участках – средним сосняком. На верхней террасе визуально наблюдаются многочисленные глубокие ямы, оставшиеся после падения крупных сосен, имеющие одинаковую ориентацию и размеры. Это позволяет предположить, что они возникли в результате одного стихийного воздействия – урагана, повалившего лес более 100 лет назад. Здесь могло существовать заповедное место – монастырская роща. По распространению наносов речных суглинков, можно утверждать, что ранее сезонный подъём воды был на 3 м выше современного уровня реки.

Сельскохозяйственные работы Кирилл начал сразу после своего поселения на острове. Они вряд ли были большими, так как он «копал мотыкою». Изначально основой пропитания насельников пустыни служила мельница в порожистом нижнем течении р. Малая Суна: «постави близ на малой реки и мельницу, яже молоти и толчи сильна бяше». Водяные мельницы XVII в. подразумевали строительство водоотвода и деревянных строений, в которых размещалась система простых механизмов, приводящих в движение каменные жернова. Житие Кирилла подробно сообщает, что с целью наименьшего соприкосновения монахов с мирянами мельница позднее была перенесена на версту выше по течению реки: «мельницу же от монастыря прочь повыше отнесе, за поприще понеже оной у

монастыря бытии не удобно. Для приезде на мельницу окольных жителей, и устрой ю изрядне». В этом месте она действовала ещё долгое время после закрытия монастыря. По сообщениям местных жителей, её остатки на речном пороге около современного кладбища видели ещё в 30-х гг. XX в.

Особый интерес представляют хорошей сохранности наземные сооружения – валунные сложения (каменные «кучи» и «оградки»). Они, в основном, концентрируются на ровной площадке, на самом высоком уровне третьей песчаной надпойменной террасы. Их можно разделить на две группы, типологически различающиеся по характеру насыпей. Первая группа (10 шт.) находится на пологом восточном склоне возвышенности, занимая примыкающий к лугу каменистый участок 40x30 м. Данные каменные «кучи» (размеры – 2,7–3x3x0,4 м) и две невысоких «оградки» (длина 27 и 20 м) являются следами расчистки полей.

Вторая группа из 14 «валунных курганов» и трёх коротких «оградок» (длина 7, 7, 15 м) размещается в центральной части возвышенности, на культурном слое поселения Чекулаево V. На местности сложения располагаются на ровной площадке, на площади в 3000 кв. м (100x30 м), двумя условными линиями, вытянувшимися с севера на юг, на удалении в 7–10 м друг от друга. Каменные «кучи» сильно задернованы; сложены насухо из трёх – шести рядов крупных валунов; их размеры 4–8x4,5–7 м; имеют прямоугольную или овальную в плане форму, вертикальные внешние стенки, плоскую верхнюю поверхность, имеющую в ряде случаев небольшое западание в центре. Внутренняя часть конструкций забутована камнями среднего размера. Высота кладок незначительно различается в пределах 0,7–1 м.

Ещё две единообразные прямоугольные каменные «кучи» располагаются в 150 м южнее, на южной оконечности террасы, на месте поселения Чекулаево VI. Самое южное сложение (3,1x3,5x0,5 м) использовано в качестве основания для современного поклонного креста.

Характерная особенность строительства данных валунных конструкций – первоначально из крупных валунов тщательно возводилась вертикальная внешняя стена, что сразу определяло форму строения, а затем внутренняя часть заполнялась более мелким камнем.

В качестве теста для выяснения характера назначения каменных сложений в лаборатории геоархеологических технологий ИИМК РАН к.г.н. М.А. Кульковой был проведен анализ на содержание фосфатов. Наличие фосфатов определялось в песчаных отложениях, отобранных из верхнего слоя, залегающего под одной из каменных насыпей. Проба для сравнения была отобрана из почвенных отложений, расположенных в 10 м от исследуемого места. Результаты анализа показали, что в песчаных отложениях из-под каменного сложения содержится большее количество фосфатов (на 30%), чем в фоновом образце. Наличие фосфатов фиксируется во всех отложениях в небольшом количестве, но в почвах фосфор, чаще всего, находится в составе органических соединений. Повышенное содержание фосфора в песке, где органики значительно меньше по сравнению с почвой, может быть связано с присутствием карбонатапатита – основного минерала костей. Это подтверждает предположение о том, что в данном месте происходило антропогенное воздействие. По мнению геохимиков, каменная кладка на количественное содержание концентрации фосфора в грунте не влияет.

По крутому западному склону, повторяя контур террасы, проходит «ограда», сложенная из одного ряда валунов средних размеров. Её длина – 85 м, ширина – 1,2 м, высота – 0,3 м. Она находится ниже на 5 м и на удалении в 50 м от каменных «куч» второй группы. Её можно определить как остатки монастырской стены, которая, будучи важным и необходимым элементом монастырского пространства, имела особую смысловую роль. Стена и водная преграда подчёркивали отделение и противопоставление монастыря по отношению к внешнему миру. Вряд ли стена создавалась с фортификационными целями: «ограда крепка, токмо не высока». Скорее всего, это символическое сооружение не соответствовало описанию в Житии Кирилла, где оно больше походит на более поздние постройки Выголексинского старообрядческого общежития: «около монастыря ограду устрой юже тарасами или триугольными клетями укрепи, высоту в дванадцат бревен, и плашми большими тесаными покры, и на углы малые шатрики постави ... и врата большие в шахматы, болшим луженым гвоздем прибив и на двое растворять устрой, и подле другие малые содела, и на вратах образы болшия написанныя постави ...».

Валунные сложения второй группы, вероятнее всего, входили в комплекс построек монастырской усадьбы на различных этапах её существования.

В Южной Карелии на восточном берегу оз. Кончезеро А.М. Жульников нашел группу из пяти подобных сооружений – валунных куч. Прямоугольные валунные сложения известны около г. Выборга (Кирпичников, 1992. С. 64–65, 68). В Западной Финляндии в районе Руовеси на мысу Лапинниemi были проведены небольшие раскопки сходного комплекса и каменные сложения определены как коптильни и печи-каменки в жилых постройках на охотничье-рыболовецкой

«базе» IX в. н. э. В основании наиболее подробно описанной кучи находился прямоугольный «ящик» из крупных камней и обуглившихся брёвен – подпечье, заполненное более мелкими камнями. (Vanhatalo, 2001. P. 42).

Предположения о возможном функциональном назначении валунных сложений (Шахнович, 2005):

1. Основания «памятных» или «обетных» крестов, символизирующие Голгофу. «... Под сеннию ея седа в пустыни сей побезу вся ... враги» (Житие Кирилла). «На краю площадки стоял старый деревянный крест, снизу до половины обложенный камнями и увешанный разноцветными лоскутками... Карелы очень религиозны, и такие кресты вы встретите везде на дорогах» (Оленёв, 1917. С. 72). «... Поставлены большие восьмиконечные под крышкою выкрашенные кресты, с написанными на них тростью и копием» (Челищев, 1886. С. 21).

2. Печи-каменки в больших строениях.

3. «Тарасы» – деревянные ящики, срубленные из бревен, прямоугольной формы, заполненные камнями и песком, служившие для строительства укреплений.

На южном окончании мыса о. Виданский нами была предпринята попытка найти с помощью зондирования следы кельи инока Епифания. В житийных текстах дается довольно точное описание её местонахождения: «создаша другую келию, мало поприще того места о ту жу Суну реку в наволоке яко за пол поприща», т.е. в полуверсте к югу от кельи Кирилла на оконечности мыса, где сходятся два рукава р. Суна (Робинсон, 1963. С. 301). Небольшая бревенчатая избушка монаха имела размеры 5x2,5 м, «каменную со глиной» курную печь на деревянном опечье. От промысловых «станов» местных жителей её отличало только наличие сеней. По своей величине и планировке она идентична монашеским кельям Соловецкого монастыря (Буров, 2006. С. 394). В Житие Епифания сообщалось о двух пожарах этого строения. Поиск древесного тлена, который должен остаться от основания дома, углистого слоя пожарищ и развала печи-каменки оказался безрезультатным. В суглинке верхнего слоя почвы встречались отдельные камни, но валунное сложение, соответствующее остаткам печи, найти не удалось. Возможно, его разрушили при «поздних» сельскохозяйственных работах или преднамеренно уничтожили с целью предотвратить паломничество старообрядцев к этому знаковому для них месту. Не исключено, что при более тщательных, последующих изысканиях место кельи Епифания всё же будет обнаружено.

В ложбине между верхними террасами наблюдаются не очень ясные следы от углублённых в землю построек. Являются ли они местами двух первоначальных келий Кирилла, сказать трудно. Келья Варлаама, как и домик Епифания, была удалена от жилища Кирилла: «постави ему келию при той же реце Суне, отстоящую от него яко едино поприще», «... ископа же себе подле келии своя ров, и внутрь его срубом огради, и содела гроб, и в рове том постави».

На поселении Чикулаево V найден хорошо сохранившийся «ледник» – выкопанная в песчаном грунте на глубину 1,6 м яма с отвесными стенками, обложенными по всей плоскости средней величины камнями. Размеры по внутреннему контуру – 1,7х1,5 м. По топографии расположения «ледник» можно связать с комплексом хозяйственных построек монастыря.

Полученные в ходе работ предварительные наблюдения открывают интересную перспективу дальнейшего археологического изучения этого памятника церковной истории Карелии.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Карелии. Петрозаводск, 2007.

Бирюков Ю.Б. Раскопки Рождественского собора Коневецкого Рождественского монастыря // Археологические открытия за 1997 год. М., 1999. С. 13–14.

Благовещенский И.И. Список населённых мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907.

Буров В.В. 10 лет археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря (1996–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы исследования и научной реконструкции. Соловки. 2006. С. 391–398.

Дмитриев П.А. Жанр северорусских житий // История жанров в русской литературе X–XVII в. Труды Отделения древнерусской литературы. Т. XXVII. М.-Л., 1972. С. 181–202.

Дмитриева Т.П. Работы на территории Муромского монастыря // Археологические открытия – 1993. М., 1994. С. 9.

Дмитриева Т.П., Кочкуркина С.И. Остров Большой Клименецкий: историко-культурный очерк // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск. С. 3–25.

Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940.

Воронов А.П. К истории Троицкой Суворецкой пустыни // ОГВ. 1900. № 60. С. 2.

Габе Р.М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкаго пустынножителя, создавшего прежде обители при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах.

Забывтый храм // ОГВ. 1898, № 22. С. 22.

Карманова О.Я. Легендарные предания в выговской агиографии начала XVIII в. // Выговская поморская пустынь и её значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С. 37–39.

- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО-1973. М., 1974. С. 14–15.
- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 64–74.
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою мурманской железной дороги. Хельсинки, 1917.
- Островский Д. Виданский остров на реке Суне и его значение в истории поморского раскола // ОЕВ. № 12. 1898. С. 25–27.
- Пашков А.М. Троицкая Сунорецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы IV краеведческих чтений посвященных памяти А.И. Шошина. Петрозаводск, 2000. С. 77–89.
- Пашков А.М. Неизвестное описание Кондопожского прихода середины XIX века // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы V краеведческих чтений посвящённых памяти А.И. Шошина. Петрозаводск, 2005. С. 30–39.
- Савватеев Ю.А. Отчёт о работе Онежско-Беломорского отряда Карельской археологической экспедиции за 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977-А. Р-1. № 6944.
- Сорокин П.Е. Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении и об исторической топографии // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб., 2004. С. 89–107.
- Спиридонов А.М. Археологические исследования на усадьбе Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. 1993. С. 55–61.
- Спиридонов А.М. Новое о монастырской колонизации северо-западного Приладожья: Троицкий монастырь на острове Сенном // Краеведение и музей. Петрозаводск. 1996. С. 3–11.
- Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.
- Уваров А. Археология России. Каменный период. Т. II. М., 1881.
- Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 260–276.
- Шахнович М.М. Отчёт об археологических работах Северокарельской археологической экспедиции КГКМ в Сортавальском, Лахденпохском, Олонецком, Кемском, Калевальском, Суоярвском районах РК в 2005 г. // НА КГКМ. Дело № 5604.
- Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб, 1886. С. 21.

Vanhatalo S. Ruoveden Lapinniemen arvoitukselliset röykkiöt // Pirkan maan alta. 2. Tampere, 2001. P. 42–47.